

УСТАНОВКИ СУЩНОСТНОЙ НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Статья продолжает серию публикаций, посвященных исследованию научно-познавательной идеологии, в частности ее влияния на процессы становления и развития учения о предмете криминалистики.

Ключевые слова: криминалистика, предмет криминалистики, научно-познавательная идеология.

Учение о предмете всегда было одной из главных научно-познавательных проблем криминалистики. Особенно тщательно оно анализировалось в трудах криминалистов начиная с 1950-х гг. За это время сложилась выверенная рефлексивная позиция. Изложенная в многочисленных работах, она характеризуется общепринятостью аналитического подхода, устойчивым набором аналитических методов, традиционностью расстановки логических акцентов. При всем разнообразии применяемых методов анализа основным, все-таки, оставался логико-лингвистический метод. На его основе уточняются-вытесняются-включаются познаваемые криминалистикой явления, предметы, связи и отношения. Исходно предрасположенный к обработке познаваемого на уровне внешнего, он не выводил познание за пределы формальной методологии, формально-логической связи.

Нацеленность криминалистики на преимущественное решение практических задач с широким задействованием естественных и технических знаний была присуща этой науке с самого возникновения. В принципиальном плане *практицизм и технизм – это установки синкретической идеологии*. Они были широко представлены в предметно-познавательном пространстве досоветской криминалистики. Практицизм и технизм, заменяя рутинность, не только кардинально повышали следственные возможности воздействия на «вещи». Участие науки в модернизации предварительного расследования не сводится к замене следственной деятельности все возрастающей технической оснащенностью. Ее значение гораздо более масштабно. Натуралистическая идеология следственной деятельности уступает место научно-активистской идеологии. Так истина сопрягается с ценностью. Речь идет о постоянном перерастании науки в практическую плоскость, о ее слиянии со следственной деятельностью. Отныне успех расследования зависит не только от живого труда следователя, но и от задействуемых научных знаний. С этого момента устанавливается новый тип взаимосвязи науки со следственной практикой: наука становится производительной силой, а расследование преступлений – научно одетой областью деятельности. Взаимодействие, обусловленное поначалу логикой сосуществования, обрело реальные черты целостности. Две формы объективного процесса последовательно трансформируются в одну, что и было убедительно продемонстрировано Г. Гроссом.

Практицизм и технизм есть следствие нарастающего научно-технического прогресса. Как конкретно-научные ориентации они не были новыми для советской криминалистики. Социально-исторические особенности времени лишь усилили внимание к практицизму и технизму. Принципиальные последствия возросшего интереса всесторонни и многозначительны.

Отправной точкой становится открывавшаяся перспективность более глубокого познания сущности науки криминалистики.

В этих существенно значимых для мыследеятельности установках и шел процесс конституирования предмета науки криминалистики. Вместе с тем амплитуда и динамика этого процесса, его концептуализация, содержательная наполняемость, приближение к пониманию сущности науки криминалистики определялись склонностью исследователя к первичной акцентуации либо *взаимодействия* как коренного начала, обусловившего становление криминалистики как науки, либо *целостности*. Приоритетность акцентуаций, их фактическое соотношение определяли, в конечном итоге, профиль предмета науки криминалистики.

Как следует из анализа литературы, собственно конституирование предмета науки криминалистики, его смысловая и логическая компоновка осуществлялись по неполной индукции, через простое перечисление наиболее значимых, с точки зрения того или иного автора, заимствований, подразумевающих их наукообразующую роль в криминалистике и устремленность к адекватному воспроизведению практической стороны следственной деятельности. Данной акцентуации с самого начала было придано доминирующее значение. Стремление адекватно практическому вопрошанию воспроизвести предмет науки криминалистики сопровождалось характерным перечислением некоторого числа заимствованного и приспособленного к прямому практическому применению. Такое зеркальное отражение следственной практики в предмете криминалистики оставалось приоритетным до второй половины 1960-х гг.

Приверженность мышления взаимодействию, конституированию предметной области науки на основе логики сосуществования, предельной актуализации следственной практики звучали уже в первых определениях советских криминалистов.

Так, Г.Ю. Маннс полагал, что предметом советской криминалистики являются «во-первых, способы совершения преступлений, профессиональные особенности и быт преступников (их жаргон, их суеверия и т.д.) и, во-вторых, приемы расследования преступлений, включая идентификацию преступников» [1. С. 147].

Если Г.Ю. Маннс отдавал явное предпочтение практицизму, то И.Н. Якимов в своем определении предмета криминалистики, наряду с взаимодействием и практичностью, делает явный акцент в сторону технизма. В его определении практицизм и технизм объединяются на основе целесообразно понимаемого взаимодействия. Предмет компоуется посредством перечисления наиболее приметных, с точки зрения автора, криминалистически значимых явлений и существующих

щих между ними взаимосвязей. Как полагал И.Н. Якимов, криминалистика «имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле» [2. С. 3].

Полнота выраженности технического характера криминалистики, установка на технизм с новой силой зазвучали в литературе. Как отмечалось криминалистами в 1935 г., «органы юстиции должны быть вооружены всеми техническими достижениями современной науки ... с использованием всех данных соответствующих отраслей знания» [3. С. 4].

Компоновка предмета криминалистики на основе взаимодействия, практицизма и технизма, его формовка под вопросы практики все более укрепляются, появляются семантически новые варианты.

С.П. Митричев в 1959 г., излагая свой вариант определения предмета, писал: «Советская криминалистика как специальная дисциплина является наукой о технических средствах, тактических приемах и методах, применяемых при расследовании преступлений» [4. С. 10].

Но в принципиальном плане конструирование предмета науки, несмотря на семантические различия, не выходило за пределы координат, которыми руководствовались криминалисты довоенного времени. Предмет науки по-прежнему конструировался посредством задействования взаимосвязи и взаимодействия, сводившихся к формальным связям и логике сосуществования, посредством перечисления структурированных разделов криминалистики.

Подобный подход сохранился и в 1960-е гг. В 1963 г. А.Н. Васильев, определяя предмет криминалистики, писал: «Советская криминалистика есть наука о тактических приемах и научно-технических средствах, применяемых на основе уголовно-процессуального закона для расследования преступлений и их предупреждения» [5. С. 5].

Уже на рубеже перехода от вопрос-ответной модели познания существа криминалистики к модели, базирующейся на познании криминалистически значимых закономерностей (позиция Р.С. Белкина), А.Н. Васильев в 1967 г. писал, что «лучше определить криминалистику как науку об использовании данных естественных и технических наук, в частности физики, химии, механики, биологии, как и психологии, логики, науки управления и других, в деятельности по расследованию и предупреждению преступлений, осуществляемой на основе уголовно-процессуального закона» [6. С. 31]. В этой связи уместно напомнить, что Б.М. Шавер еще в 1938 г. заметил, что «наука, “сообщающая” сведения из других наук, – не есть наука» [7. С. 57].

Зеркальность, формальные связи и логика сосуществования, подкрепляемые синкретической идеологией, стимулировали поверхностную избирательность, фактуализм и редукционизм, сводившие предмет науки к очевидному, само собой разумеющемуся, что, в конечном итоге, делало подобные определения предмета приемлемыми для практического сознания и мало пригодными для научно-познавательной деятельности.

Идеи синкретической идеологии, вопрос-ответная научно-познавательная модель укоренились в мышлении. Индуктивный метод конструирования предмета науки не выводил мысль далее фрагментарного видения существа криминалистики, выстраиваемого на основе формального взаимодействия и логики сосуществования. Синкретическое мышление запечатлеvalo в предмете поверхностный слой реальности в таких терминах и таком системном изложении, которые подавались осмыслению с позиций повседневности следственно-практического опыта и здравого смысла. Научно-познавательными установками данного взгляда являются представления о тождественности и однозначности следования научного знания, теории из практического опыта. Подразумевалось, что наблюдаемые и выводимые из опыта суждения служат гарантом достоверности конструкции предмета и общей оправданности занимаемой позиции. Предмет науки в целом соответствовал духу и смыслу эпохи, интеллектуальному уровню всякого «расследующего работника», был адекватен практическому сознанию. Криминалистика же, по своей сути, продолжала оставаться технико-прикладной дисциплиной, заимствующей сведения из других наук в целях вооружения работников расследования всеми необходимыми техническими сведениями. Дух и смысл гроссовского мышления, собирательно-расширительного подхода продолжал удерживать интеллектуальную деятельность в заданных координатах. Предметно-познавательная область конструировалась, расширялась на прежней, синкретической идеологии.

Особенно значительным было влияние синкретической идеологии, идей заимствования и приспособления в период перехода криминалистики от науки технической к науке юридической. Точка отсчета процесса – 1930-е гг., когда социально-исторические процессы и социокультурные особенности времени предъявили свои требования к науке, конституировавшим упрочение эффективности, функционирование в ритме перманентной практичности знания, санкционированной рационализации, модернизации права, превращения криминалистики в непосредственно действующую силу. Сердцевину этого процесса составляет взаимодействие криминалистики с научными и законодательными положениями уголовного процесса и уголовного права, установление прямой связи с уголовным судопроизводством. Организация взаимодействия имела разноуровневый, многопрофильный характер. Каждому из них соответствует специфическое содержание, наполнение.

Социальный уровень – участие в организации социальной жизни, борьба с преступностью, защита конституционных прав и свобод советских граждан, приверженность принципу социалистической законности, создание механизма сохранения и наращивания взаимодействия с общественностью, участие в организации учебного процесса, издание учебной литературы, подготовка кадровой базы науки.

Научно-познавательный уровень – наращивание взаимодействия с отраслевыми науками, налаживание научно-исследовательской работы, участие в создании сети экспертно-криминалистических подразделений, разработка и внедрение в следственную практику на-

учно-криминалистических знаний и научно-методических разработок.

Названные уровни есть показатель того, что потенциал криминалистики уже позволял осуществлять ролевую функцию науки, совпадающую со стандартными обязанностями, полномочиями, призванием осознающего свою роль познающего субъекта созидать знание (эмпирическое и теоретическое), совпадающее с потребностями общества и судебно-следственной практики. Суммированные доводы составили, по нашему мнению, реальное основание для перевода криминалистики из разряда технико-прикладной дисциплины в когорту самостоятельных наук.

Криминалисты, осмысливая связь криминалистики с уголовным судопроизводством, апеллировали, прежде всего, к наукам уголовно-процессуального и уголовного права в целях признания криминалистики юридической наукой. Аргументация и логика позиционирования достаточно полно освещены в трудах как процессуалистов, так и криминалистов, детально анализировавших все «за» и «против». Поэтому нет необходимости повторять хорошо известное. Подчеркнем лишь один, но принципиально значимый для понимания теоретизации научно-криминалистического знания факт.

Синкретическая идеология стимулировала поиск таких основоположений, которые составили бы базовую основу для признания криминалистики юридической наукой. Предпочтение было отдано двум процессуальным категориям – «доказательство» и «норма права». Данные понятия представлялись криминалистам вполне приемлемыми для выражения специфики предмета криминалистики и обустройства взаимосвязей с уголовным процессом.

Криминалисты, выстраивая научно-познавательную позицию, особо подчеркивали значение криминалистических приемов и средств в собирании доказательств, их роли в раскрытии и расследовании преступлений, в доказывании вины, в установлении материальной истины. Доказательства опосредовали связь криминалистики с соответствующими положениями уголовно-процессуальной науки.

Как отмечалось в литературе, «...качество расследования и судебного разрешения уголовных дел в значительной степени зависит от того, насколько успешно выполнена работа по обнаружению и исследованию доказательств, насколько глубоко и правильно оценены эти доказательства. ...Приемы и методы обнаружения и исследования доказательств не изучаются наукой советского уголовного процесса. Эти вопросы, а также вопросы розыска и опознания преступников являются предметом самостоятельной науки – криминалистики. ...В отличие от норм уголовно-процессуального права правила обнаружения и исследования доказательств, разрабатываемые криминалистикой, не предписываются законом, а являются лишь научно-техническими и тактическими приемами. Однако поскольку эти приемы и методы могут реализовываться только при производстве действий, строго регламентируемых уголовно-процессуальным законом, они должны соответствовать принципам и духу этого закона. ...Это неизбежно приводит к тому, что в курсе криминалистики излагаются процессуальные особенности проведения отдельных

следственных действий, что лишний раз подчеркивает тесную связь между криминалистикой и уголовным процессом, но не опровергает самостоятельность этих наук, каждая из которых имеет свои особые предмет и метод исследования» [8. С. 3–4].

Б.М. Шавер уже напрямую вводит понятие «доказательство» в определение предмета криминалистики. По его мнению, «криминалистика – это наука о приемах и методах обнаружения и исследования доказательств, используемых в целях раскрытия преступления, обнаружения и опознания преступника» [8. С. 3].

Несколько в ином словесном оформлении, но при сохранении общего смысла, звучал ряд более поздних определений предмета науки криминалистики.

В частности, С.П. Митричев, задействуя понятие «доказательство», писал: «На основе исследования содержания науки советской криминалистики, а также взаимоотношения советской криминалистики с уголовным процессом необходимо дать следующее определение советской криминалистики: советская криминалистика как отрасль судебного права является наукой о технических средствах, тактических приемах и методах, применяемых для выполнения предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий по обнаружению, собиранию, фиксации и исследованию доказательств в целях раскрытия, расследования преступлений, направленных против советского строя и установленного Советским государством правопорядка» [9. С. 25–26].

Констатация тесной сопряженности уголовного процесса и криминалистики задавалась потребностью поиска общего научно-познавательного интереса к доказательству. Криминалистами предмет компоновался под вопросы применения технических средств в целях эффективной обработки «вещей» следователем, их перевода в разряд доказательств. Собственно в этом и заключался смысл введения в определение предмета науки понятия «доказательство», задававшего криминалистике стратегический вектор развития. Идея практицизма и технизма перекликались с интересами уголовно-процессуальной науки. Интерес разводился на уровне вопрос-ответного подхода. Различительный рубеж достигался при сопоставлении, сравнении по аналогии вопросов, решаемых уголовно-процессуальной наукой и криминалистикой. Это различие не затрагивало сущностных пространств данных наук, но реальной сопричастности криминалистики к обработке доказательств криминалистическими средствами, практической значимости этой деятельности в установлении материальной истины было вполне достаточно. Доказательство есть та исходность, которая и поставила криминалистику в один ряд с юридическими науками.

Однако взаимодействие криминалистики с уголовно-процессуальной наукой имеет ряд иных, не менее весомых следствий, обусловленных своеобразием понимания взаимодействия и взаимосвязи, логики сосуществования научно-криминалистических знаний и заимствованного из уголовного процесса понятия «норма права». Взаимодействие, взаимосвязь, понимаемые не формально, с неизбежностью ведут к взаимопроникновению научных знаний. Это, в свою очередь, ведет к взаимообогащению наук, к их заслуженному взаимопризнанию [10. С. 121].

Вместе с тем состыковать вопрос-ответную научно-познавательную модель с «нормой права» оказалось делом далеко не простым. Очевидно, что положение усугублялось в значительной мере тем, что как не осознавалась вопрос-ответная модель в качестве научно-познавательной, так за «нормой права» не была замечена нормативно-правовая модель именно как научно-познавательная модель. И то и другое не воспринималось как целостные наукообразующие самостоятельные сущности и уж тем более не осознавалось как сущности, влекущие за собой качественно различные параметры наукодвижения. Восприятие шло на уровне формально понимаемого взаимодействия – заимствования-приспособления.

Вопрос-ответная модель, имеющая собственную научно-познавательную идеологию, собственные координаты наукообразования, в расчет не принималась. Синкретическая идеология, не подкрепленная никакой теорией, инспирировала восприятие взаимодействия криминалистики с уголовно-процессуальной наукой фрагментарно, на уровне отдельных вопросов. То, что за этими отдельными понятиями стоят самостоятельные концепции, не предусматривалось и не проблематизировалось, как не проблематизировались возможные нарушения ритма наукообразования и последующего наукодвижения. Синкретическое мышление увидело в нормативно-правовой модели лишь «норму права», точно так же как ранее Б.М. Шавер увидел в истоках криминалистики лишь приспособление, давшее начало криминалистике как науке. «Норма права» показала криминалистам исчерпывающе достаточным основанием и для полновесного взаимодействия с уголовно-процессуальной наукой и для основательного разведения наук, и для собственного самоутверждения.

За развернувшейся дискуссией как-то сама собой снялась проблема целостности науки криминалистики. Синкретическая идеология и вопрошание инспирировали фрагментарное восприятие науки криминалистики, отразившееся в определениях предмета науки. В широко распространившихся среди криминалистов представлениях, рубежи криминалистики должно ограничить исключительно применением. Развитие функции применения, нацеленность на выработку знания «как» приняли в криминалистике тотальный характер. Функция объяснения познаваемого где-то затерялась. Разрушению целостности криминалистики способствовали и сами криминалисты.

Так, Б.М. Шавером еще в 1938 г. было заявлено, что в силу неправильного разграничения уголовного процесса и криминалистики к уголовному процессу должна быть отнесена следственная тактика [7. С. 67].

С.П. Митричев, выстраивая свою позицию на сопоставлении предметов наук уголовного процесса и криминалистики, писал, что различие между данными науками «заключаются в том, что наука уголовного процесса изучает правовые нормы, соблюдение которых обязательно для всех участников процесса, криминалистика же на основе этих норм разрабатывает технические и тактические рекомендации, применение которых зависит от их целесообразности в том или ином конкретном случае, исходя из интересов рассле-

дуемого дела» [11. С. 50]. Аналогичную позицию в этом вопросе занимал А.Н. Васильев [12. С. 12–13].

Как следует из контекста научно-криминалистической литературы, смысл обращения к положениям уголовно-процессуальной и уголовно-правовой наук означал решение много более масштабной и сложной задачи, нежели признание криминалистики в качестве юридической науки. В принципиальном плане это обращение означало привлечение гносеологически более развитых систем знания в менее развитую, в научно-рациональном плане, систему знаний, в целях более состоятельной научной квалификации криминалистически значимого материала и его последующей классификации (систематизации). Гносеологический потенциал данных наук, в отличие от гносеологического потенциала диалектического материализма, позволял оперативно решать как текущие научно-познавательные задачи, так и достаточно ясно обозначать перспективы. Этот процесс сопровождался активным заимствованием и приспособлением уголовно-процессуальных и уголовно-правовых знаний к самым насущным вопросам криминалистики. Встраиваемые в систему научно-криминалистических знаний, они подчеркивали их самобытность, снижали скепсис и недоверие, усиливали научную состоятельность, дисциплинарную и методическую стройность.

По масштабности и глубине влияния на характер научно-познавательной деятельности, научно-рациональное одействование научно-криминалистических знаний, концептуальную содержательность, вполне сопоставимо, в научно-познавательном плане, с переходом на новую научно-познавательную модель. Взаимодействие, осуществляемое в соответствии и согласии с идеями заимствования и приспособления, вопрос-ответного подхода, вывело криминалистику, ее предметно-познавательную область на иной уровень концептуализации и интерпретации познаваемого.

При всех возникавших издержках тесной привязки криминалистики к норме, со всеми вытекающими отсюда последствиями, эта сопряженность, несомненно, оказала благотворное влияние на развитие научно-криминалистического знания и, прежде всего, в плане необходимости более глубокого осмысления действительной, сущностной самостоятельности криминалистики, понимания необходимости поиска своего пути, понимания того, что криминалистика и научно-криминалистические знания самобытны и никаким другим знанием незаменимы.

Радикализации вопрос-ответного подхода способствовали совпадения предмета науки с предметной деятельностью следователя. Стремление криминалистов оперативно откликнуться на комплекс вопросов, неизбежно встающих перед расследованием, инспирировали внимание к опыту организации расследования предшествующими поколениями.

Так, авторы первого учебника по криминалистике строили свои рекомендации, задействуя семичленную формулу, разработанную еще римскими юристами. В учебнике отмечалось, что «по каждому делу расследование должно дать ответ по крайней мере на следующие семь вопросов, сформулированных еще римскими юристами: а) что именно совершено, б) где совершено,

в) когда совершено, г) каким образом совершено, д) кем совершено, е) с помощью кого или чего совершено, ж) с какой целью совершено.

Эти семь вопросов, – заключают авторы учебника, – каждый работник расследования должен знать наизусть и иметь их в виду в продолжение всего расследования» [13. С. 137].

В начале 1950-х гг. семичленную римскую формулу попытался усовершенствовать П.И. Тарасов-Родионов. Суть его предложения сводилась к увеличению количества вопросов с семи до девяти. «Девять контрольных вопросов, – писал П.И. Тарасов-Родионов, – можно дать в следующем перечне: 1. Что, т.е. какое общественно-опасное деяние совершено. 2. Где, т.е. место совершения преступления. 3. Когда, т.е. время совершения преступления. 4. Против кого было направлено общественно-опасное деяние, т.е. кто является потерпевшим. 5. Чем, т.е. при помощи каких средств совершено преступление. 6. Как, т.е. при каких обстоятельствах было совершено преступление. 7. Зачем, т.е. умышленно или по неосторожности было совершено преступление, и в первом случае – по каким мотивам. 8. Кто совершил преступление. 9. Почему, т.е. какие причины способствовали или сделали возможным совершение преступления» [14. С. 26].

Обосновывая необходимость такого шага, он писал: «В большинстве учебников криминалистики указываются семь из приведенных девяти вопросов. Нигде не приводится девятый вопрос “почему” и редко кем из авторов приводится четвертый вопрос “против кого”. Объясняется это тем, что семь вопросов являются известной семичленной римской формулой, разработанной в древнем Риме, перекочевавшей в западноевропейскую и дореволюционную русскую криминалистику, а затем получившую отражение и в советской криминалистике. Эти семь вопросов... рассматривались как раз и навсегда установленная схема расследования, что, конечно, неприменимо для советского предварительного следствия.

В прошлом буржуазная криминалистика оказывала тлетворное влияние на молодую советскую криминалистику, и, как результат этого, в нее механически была перенесена семичленная римская формула.

Для социалистического государства при расследовании каждого дела разрешение вопроса “почему”

очень важно. Мы не можем обойтись без разрешения этого вопроса, так как иначе не может быть обеспечена должная борьба за быстрое искоренение преступности в стране социализма» [14. С. 27–28]. Оперативная откликаемость криминалистики на текущие события усиливала ее конкурентность и жизнеспособность. Вопрос-ответный научно-познавательный подход служил достаточной основой для создания фактуальной процедуры по изучению научно-познавательного опыта и следственной практики, квалификации познаваемого и полученных результатов, его размещения по специализированным разделам криминалистики. Он составил основу для выработки тактических и методических рекомендаций по организации и проведению отдельных следственных действий, рекомендации по расследованию некоторых видов преступлений, по взаимодействию с заинтересованными органами и лицами. Чем полнее и точнее они отражали объективные обстоятельства преступного события, тем выше был к ним уровень доверия со стороны практики. Вопросы применения техники, тактики и методики в расследовании преступлений определяли формат и профиль криминалистики, ее предметную концептуализацию.

В целом можно констатировать, что вопрос-ответный научно-познавательный подход как производное синкретической идеологии, несомненно, усилил идейную консолидацию научно-познавательной деятельности, вел к расширению предметно-познавательной области криминалистики и научно-криминалистического знания.

Вместе с тем никогда криминалистами не проблематизировавшийся и целенаправленно не обсуждавшийся вопрос-ответный научно-познавательный подход со всеми его невыявленными научно-познавательными возможностями, сущностными изъянами служил исходным источником пробелов, противоречий, неоправданных акцентуаций.

В ее пространстве, консолидируемой целесообразностью, развертывалась научно-познавательная деятельность, шел процесс осмысления и формирования предмета и предметно-познавательной области криминалистики. Вопрос-ответный подход, со всеми его невыявленными, ограниченными научно-познавательными возможностями, капитальными изъянами, служил исходным конструктором предмета и предметности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маннс Г.Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Труды профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Отдел 1. Иркутск, 1921. Вып. 2.
2. Якимов И.Н. Криминалистика. М., 1925.
3. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. Кн. 1.
4. Криминалистика. М., 1959.
5. Криминалистика. М.: МГУ, 1963.
6. Васильев А.Н. Предмет криминалистики // Соц. законность. 1967. № 1.
7. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц. законность. 1938. № 6.
8. Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика. М., 1940.
9. Митричев С.П. Предмет советской науки криминалистики и ее место в системе юридических наук // Соц. законность. 1952. № 3.
10. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986.
11. Митричев С.П. Теоретические основы советской криминалистики. М., 1965.
12. Васильев А.Н. Введение в курс советской криминалистики. М., 1962.
13. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. Кн. 1.
14. Тарасов-Родионов П.И. Пределы и содержание предварительного следствия / Советская криминалистика на службе следствия. М., 1951. Вып. 1.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 января 2009 г.